

Глеб Карпинский
Ледяная дорога
ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Глеб Карпинский

Ледяная дорога.
Исторический роман

«Издательские решения»

Карпинский Г.

Ледяная дорога. Исторический роман / Г. Карпинский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-505153-0

«Ледяная дорога» — это историческая драма. История непростых отношений офицера Вермахта Рудольфа и еврейки Сары, жены богатого итальянского инженера. Учитывая разные социальные статусы и мировоззрение, они находят в себе силы любить друг друга, не взирая на опасности, которые неминуемо их ждут в будущем. Действия происходят в Италии и Австрии в 1938—1943 гг.

ISBN 978-5-00-505153-0

© Карпинский Г.
© Издательские решения

Содержание

1. Сара	6
2. Разговор с мужем	10
3. Гости на вилле	14
4. Гостеприимство Джузеппо	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Ледяная дорога Исторический роман

Глеб Карпинский

© Глеб Карпинский, 2019

ISBN 978-5-0050-5153-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Сара

Лето 38 года в Лигурии выдалось жарким. Все живое, начиная с раннего утра, искало спасения в море, плескаясь в его лазурной пене, и вся узкая полоса пляжей, петляющая вдоль подножия высоких гор, была усеяна отдыхающими до самого позднего вечера. Чаще всего, оккупировав самые лучшие места, под зонтами на шезлонгах располагались богатые еврейские семьи, и словно в назидание им, беспечно жарившим на солнце свои жирные ляжки, по пляжу слонялись никуда не спешащие, увешанные орденами ветераны, часто калеки с утерянными конечностями, выжившие каким-то чудом после Первой Мировой. Если бы не покровительство дуче, все они, возможно, были бы обречены на нищенское существование, но сейчас итальянское общество боготворило их и ставило в пример подрастающему поколению. И это поколение абсолютно новых, амбициозных людей уже заявляло о себе. Основной костяк его составляли молодые, хорошо подтянутые офицеры, держащиеся часто больших компаний. Эти щеголяли обычно в светлых бриджах и, несмотря на жару, носили рубашки и галстуки. Недавно вкусившие крови при Май-Чоу и жаждущие скорейшего возрождения Италии или «рисорджименто» (их неуемные амбиции распространялись на все Средиземное море), эти парни держались вызывающе, особенно по отношению к местному населению.

Сара редко выходила на пляж, предпочитая оставаться на вилле и рисовать часами эскизы мужу, который часто во время своих длительных командировок нагружал ее непыльной работой, чтобы она не скучала. Она не была профессиональной художницей, но у нее был явный талант, и, вдохновленную помпейскими фресками, ее без сомнения можно было считать новой последовательницей Антонио Кановы.

Кроме того, ее тяготило общество всей этой сумасбродной мужской праздности и какой-то опьяняющей и глупой эйфории от предстоящих легких побед. А как раздражали ее все эти пошлые пьяные вздохи, бросаемые в ее адрес и адрес ее подруг, ничего не обязывающие ухаживания, выражающиеся обычно воздушными поцелуями, животным смехом или в лучшем случае шутовским поцелуем руки и преподнесением букета с интимной запиской. С тех пор она буквально возненавидела кафешки, и все летние террасы в деревне, и этих несносных сосунков в униформе, которые ничего не умели, кроме как хлестать самбуку и хвастаться порабощением и убийством других...

Но иногда, в предрассветный час мучительного одиночества, оставив храпящего мужа на хорошо взбитых перинах, Сара все же расчесывала свои шикарные черные волосы, и, покрыв их соломенной шляпкой так, чтобы тень от широких полов скрывала ее грустный взгляд и румянец зардевшихся щек, выпархивала из душной и ненавистной виллы. Точно птичка из клетки, неслась она по каменистой тропе навстречу лучам южного солнца, влекомая чем-то необъяснимым и одновременно тревожно-манящим, а ее чудные соблазнительные ножки, обличенные в каблучки, едва касаясь земли, так сладко и упоительно сливались со звоном хрустального горного эха. И если ей на пути встречалась отара, то набожные пастухи невольно восклицали «Santa Maria!», а увешанные колючками козы расступались сами собой и блеяли, точно спрашивали ее удивленно «Но куда ты? Куда ты, Сара, на этот раз?».

И Сара даже удивлялась той беспросветной животной глупости, ведь ответ, казалось бы, для всех был очевиден. Вся ее трепещущая душа в столь ранний час могла устремляться только в одно, самое романтическое и самое прекрасное место на свете – на тропу влюбленных, связывающую Манаролу с Риомаджоре. Только там эта отлучившаяся от мужа женщина могла ненадолго забыться и побродить пару часов по украшенному цветами и еще безлюдному бульвару, где сладко-ядовитый аромат олеандра смешивается с морским бризом. От всего этого контраста у нее кружилась голова, и она часто останавливаясь у перил набережной с закрытыми глазами и слушала, как шумит рядом море, играя с прибрежной галькой. В такие моменты Сара

казалась себе посланницей мира, спустившейся с Монте Пего с пальмовой ветвью, которой она как веером размахивала перед своей учащенно дышащей грудью. Иногда компанию ей составлял ушастый кокер-спаниель Капучино, подарок мужа Джузеппо на пятую годовщину их свадьбы, но сегодня она предпочла быть без сопровождения чемпиона мира по вытаскиванию уток из воды. Дело было даже не в излишней суетливости этого пса, бросающегося на каждого прохожего с радостным лаем, а в том, что, прославляя американскую моду, когда за океаном только-только стали избавляться от корсета, а подол юбки взлетел до не приличия вверх, Сара хотела сосредоточиться именно на внутренних ощущениях своего ищущего любовь сердца, и ничто в эти сакральные минуты не должно было напоминать ей о муже.

Закрывая глаза, она представляла, как обнимают ее сзади горячо и страстно руки другого мужчины, мужчины, которого она еще реально не знала, но этот человек уже существовал в ее воображении и всегда любил ее, и она как будто тоже любила его и ждала всю жизнь. И каждый раз, прибегая рано утром на аллею влюбленных, Сара интуитивно чувствовала, что вот-вот встретит его и никогда больше не расстанется с ним. О, как она его любила, Боже, как! Только при мысли о нем по ее изнемогающему от предвкушения ласк телу шла приятная волна, часто до дрожи, и женщина, представляя и ощущая любимого, кусала губы, чтобы не застонать или не упасть в обморок. Она даже придумала ему имя, Агапето... и каждый раз, когда воображаемый Агапето подходил к ней сзади на аллее влюбленных, когда она стояла с закрытыми глазами, это имя срывалось с ее искусанных губ, точно песня под шум волны и завывание ветра.

– О Agapeto, se solo sapeste da quanto tempo vi stavo aspettando! (О, Агапето, если бы ты знал, как долго я тебя ждала...)

Сегодня пекло уже с утра, и народ с перекинутыми через плечо полотенцами потихоньку тянулся к террасам и пляжу. Чтобы не встретиться со знакомыми взглядами, Сара подошла к газетному киоску, только что отворившему перед ней с жутким пробуждающим скрипом ставни.

– Dammene uno, per favore... (дайте мне одну, пожалуйста), – бросила она мелочь на прилавок и указала поспешно на свежую стопку «Il Popolo d'Italia» (Народ Италии) в расчете на то, что окружающие сочтут целью ее ранней прогулки именно желание узнать последние новости.

Продавец, молодой мужчина, раньше Сара где-то видела его среди работников рынка, подозрительно посмотрел на нее и ухмыльнулся. Он был как-то странно одет для газетчика, и только сейчас женщина обратила внимание, что перед ней стоит обыкновенный мясник. По крайней мере, он слегка оттянул от своего живота двумя руками окровавленный фартук и зевнул во весь рот, показывая всем своим видом пренебрежение ко всему, что его окружало.

– А где сеньор Мойша? – спросила она, пытаясь понять, в чем дело.

– Я точно не знаю, сеньора. Меня срочно вызвали в мэрию и попросили заменить его. Как видите, я только успел перерезать горло козленку старика Андриано, и кто сейчас разделяет тушу, ума не приложу. А ведь посмотрите, какая стоит жара!

Народ вокруг киоска начинал собираться и галдеть. Все бурно обсуждали, куда делся газетчик. Предлагались просто неправдоподобные версии от ареста за скрытый гомосексуализм (якобы Мойша таким образом был завербован английской разведкой) и до похищения несчастного марсианами-коммунистами.

– Да, что Вы чушь городите! – возмутилась только что подошедшая Кончитта. – Какие марсиане-коммунисты?

Собравшиеся в очередь крестьяне встrepенулись и повернули в ее сторону головы, так уж повелось, что все прислушивались к мнению этой уважаемой прачки. Пожалуй, все грязное белье Риомаджоре прошло через ее огрубевшие и красные от хронического артрита руки, и кто, если не она, знал настоящую правду о всех и вся.

– Газетчик просто сошел с ума, буквально сразу, как в деревню прискакал первый почтовый экспресс. Потом он понесся в порт, даже не забежав к больной жене попрощаться! –

продолжала она, рассказывая все это толпе зевак таким спокойным тоном, как будто это было привычное происшествие. – Лодочник Джулио всю ночь катал пьяного Марио и очень удивился, когда ему высыпали в ладони всю свою недельную выручку. «Гони в Аргентину, Джулио. Сдачи не надо!», – велел ему весь мокрый Мойша. Ведь этот псих доплыл до лодки и впился зубами в весло, точно готов был перегрызть его. Естественно Джулио не мог отказать, к тому же безумный страх в глазах газетчика передался и ему, и даже пьяный Марио, а все мы знаем буяна Марио, так ведь? – толпа одобрительно закивала. – Не рискнул возражать против смены курса, и они втроем отчалили еще до того, как солнце проснулось над бухтой.

Многие слушатели с недоверием отнеслись к рассказу прачки, и даже некоторые попробовали устыдить ее раскатистым смехом.

– А кто же тогда поведал тебе, Кончитта, всю эту историю, если они взяли билет до Аргентины в один конец? – засмеялся кто-то.

– Болван! – разозлилась прачка. – Ты не знаешь патриота Марио! Как только огни фонарей на тропе влюбленных стали скрываться в тумане, тоска по отчужденности стала такой невыносимой, что он свалился в море, и, как полагают спасатели, еще какое-то время барахтался в нем, пока ему не откусила ногу акула.

– Санта Мария! – ахнули все.

– Бедный Марио, – слышались вздохи и возгласы.

– И понимая, что конец его близок, – продолжала Кончитта, – он успел крикнуть «*Il Duce ha sempre ragione*» (Вождь всегда прав!)

– Какая прекрасная смерть!

– Этот сволочь мне должен тысячу лир! – опомнился кто-то.

Потом возникла тишина, и все присутствующие у газетного ларька почтительно склонили головы, и слышно было, как шумит Лигурийское море, и словно сквозь этот шум раздавался едва уловимый и тонущий в пучине волн последний крик патриота Марио.

– Да что ты брешешь, Кончитта! – возмутилась вдруг одна итальянка. – Если что и орал пьяный Марио, так это «*Gloria, gloria alla grazia di Dio!*» (Слава, слава! Благодарь Божья!)

– А я тебе говорю, «*Il Duce ha sempre ragione*» (Вождь всегда прав!) – наставила на своем прачка, чуть ли не замахиваясь на спорщицу корзиной с бельем. – Ночевавшие на северном склоне пастухи, наверняка, подтвердят мои слова.

– Но послушай, Кончитта, – уточнил еще один сомневающийся, – но если Марио утонул, то откуда ты все это знаешь? Уж не шальная ли акула тебе все это рассказала?

Все опять засмеялись.

– Болван! – пыталась перекрыть смех Кончитта. – Разве Марио пьет один? Разве ты видел когда-нибудь Марио без какой-нибудь вертихвостки? Цветочница Марта спала с задержанной на лицо юбкой в лодке. Она спала так крепко, что ее целый час не смогли растолкать карабинеры, и я боюсь, что теперь она помимо двойни, обзаведется еще и тройней, и дети так и никогда не узнают родного отца. О, Святая дева Мария!

– Так откуда же взялись карабинеры в море? – не выдержал уже сам мясник.

Все хватали из его рук газеты, точно вкусные пирожки.

– И ты тоже болван, Лука, – покачала головой раздосадованная прачка. – Такой большой, а не знаешь, что все дрейфующие лодки вышвыривает на берег у Манаролы. Так что проходивший мимо патруль карабинеров принял спящую Марту за контрабандистку.

– А куда же тогда подевались Мойша и Джулио? – спросили ее уже все хором, на что рассказчица, явно ожидавшая этого вопроса, еще больше удивила народ ответом. – Известно куда... Их подобрала американская подлодка, идущая за пингвинами в Антарктиду.

Сара отошла в сторону, чтобы не слушать всю эту пустозвонную болтовню и развернула газету.

Новости оказались неутешительными. На первой странице, на которой отпечатался кровавый след от пальца мясника, был изображен в окружении ветеранов сам лучезарный дуче. Он стоял в штатском, в какой-то надменной позе, со стиснутыми губами, недовольный и страшный, с упирившимися в бока руками. Ниже был опубликован манифест о «высшей итальянской расе», под которым подписались видные преподаватели, известные ученые, а также представители католической церкви. Сара бегло пробежалась глазами по этой фашисткой статье, призывающей ограничить права евреев, и, ужаснувшись, поспешила прочь. Романтическое настроение было испорчено, и его даже не поднял пьяный, душераздирающий ор двух мужчин, бредущих по пляжу в обнимку, в которых все признали лодочника Джулио и знаменитого пьянчужку Марио, неврежденного и на двух ногах.

– *Giovinazza, giovinazza, primavera di bellezza!* (Юность, юность, весна красоты и счастья!) – распевали они со слезами на глазах гимн отважных, часто спотыкаясь и поднимая друг друга. – *Della vita nell'asprezza, il tuo canto squilla e va!!* (Среди жизни, полной испытаний, песня твоя звонкая летит!)

2. Разговор с мужем

Вилла Джузеппо или Casa di Ingegnere (дом инженера), как называли ее местные жители, располагалась на скальной, обласканной солнцем возвышенности вблизи Риомаджоре. Она выделялась на фоне живописных террас и разноцветных деревенок Лигурии особой отчужденностью и даже серостью и больше походила на опустевший средневековый замок. К вилле вела одна единственная извилистая дорога, мощенная из камня, и по ней поутру можно было наблюдать, как ползет, тарахтя на каждом изгибе, поднимаясь в гору, древненький Isotta Fraschini, везущий свежую рыбу и корреспонденцию для Джузеппо. Правда, были и другие малоизвестные тропы через скалы, уходящие к мелким, труднодоступным пляжам, но Сара ими не пользовалась, опасаясь нападения со стороны разбойников – потомков сарацин, прячущихся от карабинеров и поныне.

Сара еще издалека услышала гудок Антонио, водителя Джузеппо и остановилась, ожидая приближение машины. Это был молодой, компанейский парень, которого ее муж присмотрел еще в порту пару лет назад.

– Прыгайте, сеньора! – крикнули ей, не сбавляя скорость на подъеме, и женщина на ходу с поразительной легкостью запрыгнула в приоткрытую для нее дверь.

Зазвучал мощный рев мотора, и машина в клубах дыма вышла на финишную прямую. Почти сразу благоговейно подул встречный ветер, и Сара про себя отметила комфортность передвижения на автомобиле. Несколько крестьян в оливковой роще почтительно сняли шляпы, завидев хозяйку, и провожали машину долгим, каким-то внимательным взглядом.

– Сегодня будет жарко, сеньора, – улыбнулся Антонио, целуя нательный крестик, так как каждый раз при подъеме боялся заглохнуть и опрокинуться в пропасть. – Я бы даже сказал, что будет, пожалуй, жарче, чем в печи у тетушки Костанцо.

Сара улыбнулась. Не было ни одного человека в мире, кто не пробовал бы выпечки этой прославленной тетушки, чье имя давно стало нарицательным не только в Риомаджоре, но и за его пределами.

– Да уж, – согласилась она, отлепляя с колен кружева своего платья. – Хорошо, что ты появился, Антонио, а то я вся взмокла.

Дорога под палящим солнцем, действительно, утомила ее. Для удобства она даже сняла туфли.

– А Вы никак опять ходили на бульвар влюбленных, сеньора, – заметил водитель и кивнул на газету в руке своей хозяйки. – Ох, уж достанется Вам от мужа.

В его голосе явно было сочувствие. Все знали деспотический нрав Джузеппо, не требующий особого пояснения. Вот почему Сара вздохнула и решила промолчать. К тому же, водитель стал отчаянно жать на клаксон, медленно подъезжая к вилле, так как ворота явно не спешили открываться.

– Вот набрали Вы прислугу, сеньора, – ругался он, намекая на то, что Джузеппо слишком часто меняет работников. – Ну, куда годятся для этой работы крестьяне? Им бы коз выращивать да просить милостыню на паперти у Иоанна Крестителя. О Святая Дева Мария! Легок на помине!

Наконец, через приоткрывающуюся щель выскочил кокер-спаниель цвета нежного шоколада и сразу с радостным лаем бросился к двери, где сидела его хозяйка.

– Тише, тише, Капучино! – засмеялась Сара. – Автомобиль оцарапаешь. Твой папочка не простит тебе такого!

Но собака не слушалась, лаяла, бегала кругами и чуть не сбила Антонио, который вышел из машины и пошел к новому «дворецкому», как он иронично называл бывшего пастуха Абеле,

непутевого парня, лентяя и тунеядца. Они стали на повышенных тонах выяснять друг с другом отношения и громко ругаться, активно жестикулируя.

– Еще раз не откроешь ворота, болван, я тебе всю бороду выщипаю! – пригрозил Антонио. – Ты видишь, какая жара! Дорога каждая минута! Что скажет хозяин, когда будет есть тухлую рыбу?

– Если он что-то и скажет, – отвечал «дворецкий», не уступая Антонио в гоноре, – то скажет это мне, а не тебе, сукин сын. Ты так со своими портовыми шлюхами трепись. Или твоя Марта опять прокатила тебя с Марио...?

Сара с собакой прошла мимо ругающихся друг с другом слуг, едва сдерживая смех. Такая забавная сцена немного отвлекла ее от тревожных мыслей. К тому же, она прекрасно знала, что до драки у них дело не дойдет. Покричат, спустят пар и пойдут вечером в обнимку в одну кафешку заливать тоску дешевым вином.

– Прекрасно выглядите, сеньора! – раздался со ступенек виллы звонкий забористый голос.

– Привяжи собаку! – приказала она выбегающему к ней двенадцатилетнему мальчишке. – И скажи Джузеппо, что я иду плескаться в бассейн.

Она не хотела сегодня встречаться ни с мужем, ни с кем-нибудь еще, предпочитая провести время до вечера в меланхолии скучающей женушки. Положив газету и туфли на столик, женщина быстро сбросила с себя взмокшее платье и с нескрываемым удовольствием вошла в прохладу бассейна. Ее обнаженный, переливающийся в лучах солнца профиль с откинутыми назад распущенными волосами вызвал восторг у повара Беттино, который наблюдал за ней через узкое окошко своей кухни.

– *Une polpetta con formaggio e uovo...*! (Фрикаделька с сыром и яйцом) – поднес он восторженно три пальца к жирным губам и поцеловал их с чмоканьем.

Тем временем его соблазнительная хозяйка спокойно поплыла, совсем никого не стесняясь, перевернулась на спину, и какое-то время ее красивая грудь возвышалась над бирюзой, точно два островка надежды для тех, кто терпит кораблекрушение.

– Ай-ай, что творит, что творит! – приговаривал Беттино, и тут же схлопотал по шапке от Терезы, его жены весом не менее в два центнера, тоже работающей на кухне.

– Идиот, болван! – ругалась Тереза. – Когда же сеньор Джузеппо выколет тебе глаза!? Смотри, лук подгорел!

И пока шипящие сковородки остывали в бочке с водой, а лающая, как цепная собака, Тереза лезла за новой корзиной лука, у Беттино возник соблазн закрыть свою сварливую жену в погребе, и только директива хозяина, что нужно срочно приготовить обед на несколько персон и поварской долг перед собственным именем, а Беттино считался лучшим знатоком своего дела во всей Лигурии, не дали свершиться преступлению. Ему только что привезли протухшего тунца, и он размышлял, чем его приправить, чтобы скрыть неприятный запах.

В этот момент на кухню подошел вездесущий Джузеппо и стал давать распоряжения, нетерпеливо постукивая по паркету набалдашником своей трости.

– Тереза, достань самое лучшее вино и варенье из грецких орехов! Да не забудь еще сыр, что привез Антонио на прошлой неделе, он в бумажной обертке.

Это был невысокий сеньор, средних лет, с аккуратной бородкой, всегда являющийся на публику в деловом двубортном костюме, сильно напоминающем военный френч, и в лакированных ботинках, начищенных до безупречного блеска. Пожалуй, его знали все чистильщики обуви Италии. Самодовольное лицо его, изъеденное оспой, всегда выражало какую-то чрезмерную значимость, и когда его о чем-то спрашивали, он не спешил сразу с ответом и хмурил брови так, что вводил окружающих в ступор или по крайней мере в смтение. Джузеппо по профессии был инженером газового оборудования – очень перспективного и инновационного направления, поэтому был довольно богат не только для здешних краев, но и для Рима,

и многих погоревших на кризисе дельцов того времени даже ссужал незначительными суммами. Правда, давал он их не всем, а только политически перспективным. Недавно он вернулся из деловой поездки из Восточной Африки, где провел долгих шесть месяцев, работая над секретным правительственным заказом, и, судя по всему, прекрасно справился с работой.

Сегодня к успешному инженеру приезжали важные гости, среди которых был свой человек из Правительства, и хозяин самой роскошной виллы во всей Лигурии не хотел ударить в грязь лицом. Все понимали и чувствовали важность события. Даже слуги назойливыми мухами крутились вокруг Джузеппо и уточняли его приказания, сыпавшиеся на них, точно манна небесная, а он, как всегда, хмурился, постукивал своим набалдашником и сердито повторял, что рассчитает всех к ядреной матери к заходу солнца.

Все это время Сара нежилась в тени высокого тиса, лежа на гамаке, сотканным из шелковых нитей, и, казалось, спала. Легкий ветерок, прокраившийся с гор, осторожно обдувал ее обсыхающее тело, словно убаюкивал, как ребенка. Ни звон посуды, ни ругань толстушки Терезы, ни вечное ворчание на слуг хозяина виллы не трогали струн ее сердца. Но все это была видимая безмятежность кошки, готовой при подозрительном шорохе мгновенно выпустить когти. В забытии Сара вдруг улыбнулась. Ей снова почудился ее таинственный Агапета. На этот раз он не обнимал ее сзади, а обхватил ее лицо руками и смотрел прямо в глаза, и от этого проникновенного взгляда у нее подкашивались ноги и кружилась голова...

Наконец, она услышала приближающиеся шаги мужа и приподнялась, гневно сверкая глазами. Джузеппо не подошел к ней близко, не рискуя попасть под горячую руку, а, откинув назад шлицы своего пиджака, присел поодаль за столик, где лежали утренняя газета и туфли жены.

– Милая, – сказал он, не глядя на Сару, рассматривая свой маникюр, – хотя бы ради приличия оденься и выйди к гостям в самом лучшем своем наряде. Мне нужно торжество, блеск, шик! Думаю, то платье, в котором ты блистала на Пасху, будет лучшим вариантом... И надень мое кольцо... Нет, лучше диадему. А, черт! Лучше и то, и другое.

Она посмотрела на него безучастно и прикрыла ладошкой зевоту.

– Я понимаю, – продолжал он, по-прежнему рассматривая свой маникюр, – наши отношения сейчас переживают не самые лучшие времена, но я прошу тебя, Сара... Умоляю! Хочешь, я встану перед тобой на колени? Ну, хоть раз войди в мое положение! К нам приезжают наши немецкие друзья, настоящие герои, будущие боги Большой Италии! Их сопровождает правая рука самого дуче, сеньор Джиорджино. Для тебя, дорогая, не секрет, что именно он спас мою фирму от банкротства, и именно благодаря ему у меня есть работа, а ты имеешь все, что пожелаешь...

Видно было, что мужчина пытался держать себя в руках. Слова у него выходили через сильно сжатые губы какими-то обрывочными, жесткими фразами. Часто во время сцен с женой он переходил на крайности и даже в последний раз ударил ее в пылу неконтролируемой горячности при слугах. Сара знала, что сейчас не в его интересах показывать гостям разлад в семье, и поэтому вела себя чрезмерно вызывающе, отыгрываясь на прошлых неудачах.

Сейчас она, замотавшись широким полотенцем, презрительно фыркнула и подошла к столику, где сидел муж.

– Сеньор Джиорджино? Это не тот ли старый вонючий сводник, поставляющий нашему лучезарному дуче из провинции молодых девок? Что он забыл в наших краях? Разве ни для кого не секрет, что в Риомаджоре благодаря нашествию сеньоров офицеров еще два года назад не осталось ни одной приличной девственницы, не считая, конечно, нашей тетки Костанцо?

– Сара, прекрати! – даже побледнел, а потом покраснел Джузеппо, стиснув со всей силой трость. – Ты не справедлива к сеньору Джиорджино. И если так будет продолжаться дальше, то не обижайся на меня... – тут он запнулся и фальшиво закашлял, понимая, что перегибает палку.

– Ты хотел сказать, милый, что если так пойдет дальше, то меня придется изолировать в твоём семейном склепе, как твою предыдущую женушку? – подначивала мужа Сара, ухмыляясь.

Инженер схватился за голову.

– Бедная, бедная Ульрико, – простонал он. – Пожалуйста, сколько раз я просил не упоминать её ангельское имя всуе.

– Не делай вид, что тебе так невыносимо больно при упоминании о ней, Джузеппо! Уж мне-то можешь не врать, я тебя насквозь вижу. Эта миланская шлюха, если бы вовремя не перевернулась в лодке с двумя абиссинскими матросами, разорила бы тебя в пух и прах, – продолжала жалить Сара.

– Сара, прошу! – умоляюще воскликнул Джузеппо. – Ты жестока, как никогда...

– Я жестока? Это мир жесток, милый! Вот полюбуйся, к чему все движется! – и Сара бросила свой гневный взгляд на «Il Popolo d'Italia» на столике. – Настоящий позор Италии! Они теперь официально объявили себя высшей кастой.

– Позор Италии? Заметь, я этого не говорил! – выдавил он из себя сдержанную улыбку и с каким-то одолжением взял в руки газету.

Затем инженер развернул её, и при этом позволил себе закинуть ногу на ногу, слегка покачивая ею. Сара с отвращением посмотрела на этот начищенный до блеска мысок ботинка.

– Скоро ты будешь стыдиться меня, Джузеппо, как своего прошлогоднего сифилиса после полугодовой командировки в Африку, – добавила она. – Читай, читай!

– Потихе, Сара, умоляю! Кругом уши! – оторвался от чтения муж и шепотом добавил. – К тому же, это был не сифилис, а обычная аллергия на черепашье мясо, и доктор Когенман выдал мне справку...

– Боюсь, что скоро справки, выданные доктором Когенманом, не помогут и ему самому.

– Дорогая, ну что ты! Ты все это сильно преувеличиваешь. Все эти расовые законы нашего обожаемого дуче одна профанация. Они никогда не коснутся евреев, пока всем этим заправляет Царфати. Да, безусловно, сама статья написана грамотным журналистом и, безусловно, я не отрицаю, пахнет антисемитизмом, но это все сделано больше по соображениям политическим. Просто мы собираемся дружить с фюрером, и следует...

Но Сара не стала дослушивать слабые аргументы Джузеппо. Она оставила его у бассейна, а сама с грациозной гордостью кошки босиком стала подниматься к себе по внешней лестнице на второй этаж. Ничего, ничего! Она еще покажет всем этим ненормальным воякам, заикленным на превосходстве своей расовой исключительности. Широкие бедра женщины с каждой новой ступенью покачивались в каком-то гипнотическом танце, и у повара Беттино, подглядывающего через окошко, казалось, вот-вот лопнут глаза от натуги, а в рот уже залетела ни одна муха, и снова на кухне запахло горелым.

3. Гости на вилле

Сара слышала, как просигналила машина гостей у ворот виллы, последующую за этим бегом шагов навстречу, радостные возгласы, немецкую грубую речь, из которой можно было понять только «Хайль Гитлер» и ответный «Зиг хайль!» мужа и его похвальные реверансы гостям... Какое-то время она так и не решалась подняться с кровати, хотя была полностью готова к выходу. На ней было великолепное, подчеркивающее ее естественный силуэт платье от Мадлен Вионы. То самое с утонченной талией из приятной на ощупь, воздушной и просвечивающей материи цвета бирюзового моря, и самый писк сезона 30-го года – косой, вычурный срез подола, оголяющий довольно откровенно левую часть бедер так, что можно было не сомневаться, что обладательница сего платья не носит нижнего белья. Свои ножки Сара решила облечь в довольно высокие сапожки из тончайшей матовой кожи фирмы Testony. Они ей нравились тем, что скрывали, как она несправедливо считала, изъян ее слишком острых колен, хотя никто, пожалуй, из представленных ей мужчин не смог заподозрить такой незначительной мелочи, ибо общее очарование Сары производило на всех буквально одурманивающее действие. Даже диадема, сделанная в виде лаврового венка из белого золота с блестящими камушками, венчавшая сейчас ее убранные в хвост волосы, точно корона на голове великой царицы, не производила такого яркого впечатления, как V-образное, очень острое, оголяющее даже ее пупок, декольте. Колье она, вопреки уговорам мужа, не стала надевать, но не потому, что хотела как-то насолить ему, а потому, что хотела, чтобы все взоры гостей были обращены на ее пышущую буйством тайных страстей грудь, и это ей легко удалось.

Старика Джорджино просто схватил удар, когда жена инженера все же соизволила спуститься в приемный зал, и два сопровождающих его немецких офицера, которых женщине успели представить как братьев-близнецов Фрица и Курта, подхватили его под руки и кое-как усадили впопыхах за стол. При этом потребовалась довольно внушительная порция самбуки, чтобы он смог выдавить из себя жалкую улыбку и принести какие-то неподобающие в таком случае извинения. Джузеппо был напуган этим неловким происшествием и одновременно доволен и горд. Для проформы он тут же велел послать за доктором Когенманом, а заодно привезти из Манаролы музыкантов, так как сеньоры офицеры одним патефоном явно не ограничатся.

– Да, Антонио, – шепнул напоследок хозяин виллы водителю. – Заедь обязательно в порт и захвати там парочку симпатичных албанок. Скажи им, что намечается чудная милонга, выпивка и еда за мой счет. Пусть немного разбавят нашу мужскую компанию.

Антонио поклонился и, подмигнув весело Сапе, вышел, и уже скоро древненький Isotta Fraschini в клубах дыма катился вниз, скрепя на поворотах тормозами.

В это время, пока готовился обед, а гости приехали чуть раньше, хозяин виллы посчитал нужным развлекать их разговорами о политике, но офицеры дали понять, что они не говорят по-итальянски, и часть из них даже со смехом удалилась в бильярдную.

– Нынче я слышал, хороший урожай мидий, – только начинал приходить в себя Джорджино, вытирая свои влажные губы рукавом сутаны.

И хотя все знали, что к истинной церкви этот человек имеет лишь отдаленное отношение, к нему обращались «Падре». Это был маленький, лысый старичок со сморщенным лицом и лисьим взглядом. Двое братьев-близнецов опекали его по краям, точно преданные церковные мальчишки, хотя по их скучающим лицам было видно, что они не прочь присоединиться к своим друзьям в бильярдной. Там уже слышалось, как с грохотом залетают шары в лунку.

– Беттино-кретино! – заорал вдруг хозяин, поняв намек хитрого падре. – Сколько можно ждать?

Из дверей кухни высунулась голова повара, показывающая понятными только хозяину знаками, что фирменное блюдо – паста с тунцом и шпинатом – готово, и его будут подавать. Джузеппо кивнул в ответ. А через минуту с полными подносами появилась Тереза, и дело двинулось с мертвой точки.

– Сеньоры офицеры, прошу, пожалуйста, к столу, – созывал он заигравшихся офицеров. – Нет, они меня, кажется, ни черта не понимают.... – жаловался он падре, пожимая плечами.

– Дорогой мой друг Джузеппо, – лилейно мурлыкал тот, принимая угощение из рук Сары. – Наши немецкие друзья привыкли к более жестким командам.

И лжепадре со знанием дела выкрикнул по-немецки что-то ужасное, от чего у Сары невольно возникло чувство тревоги, и она даже положила порцию шпината мимо тарелки гостя.

– Ничего страшного, дорогая, – успокаивал ее лилейный старик, жадно поглощая пищу. – Древние этруски говорили, что лучше промахнуться ложкой мимо рта, чем получить ею по лбу. Я слышал от Вашего мужа, что Вы увлекаетесь историей древней Италии, и это очень похвально. Мои лучшие немецкие друзья Рудольф и Курт, – и он почтительно кивнул им, – очень заинтересованы в возрождении арийского спорта в наших добрососедских странах и полностью одобряют постулат нашего дуче «В здоровом теле здоровый дух». Рудольф и Курт – прирожденные спортсмены, умерены в алкоголе, хорошо начитаны, не замечены в обществе дурных женщин, знают итальянский и немного английский...

Во всей этой как бы «ненароком» сказанной слащавой манере проглядывались черты профессионального сводничества, и будь это иная встреча, и в другое время, Сара ушла бы, но она интуитивно чувствовала опасность от этого человека и вынуждена была мириться с этим и улыбаться ему. Муж Джузеппо поддерживал ее, и когда она все же забывалась и не оказывала падре должного внимания любезной и послушной слушательницы, под столом предупреждающе постукивал по ее сапогу тростью.

Запах вкусной пищи постепенно разнесся по комнате, и сеньоры офицеры, отложив кии, довольные, потянулись к столу. Хорошие манеры им были чужды, и некоторые из них позволяли при сеньоре Саре недопустимые вольности кишечника и отрыжки. Она непонимающе смотрела на мужа, но тот, едва сдерживая глупый смешок, лишь пожимал плечами.

– Вы не должны сердиться, сеньора Сара, на наших друзей, – успокаивал хозяйку виллы Джорджино. – Как видите, они довольно прямолинейны в вопросах приличия и немного наивны, как дети. Но за этой наивностью скрывается душа настоящего воина. Ведь большую часть своей жизни они провели в суровой военной аскезе, добывая кровью и потом победу своему фюреру.

При упоминании фюрера гости как будто сошли с ума и, резко сделав зигу, фанатично прокричали «Хайль Гитлер!» Все это еще больше напугало Сару, и она уже хотела сослаться на головную боль и покинуть застолье, но муж, хорошо изучивший ее за все пять лет совместного брака, не позволил ей это сделать, больно ущипнув за локоть.

– Каким же видом спорта Вы занимаетесь? – спросила любезно Сара у Курта, сидящего слева от падре со скучающим видом.

– У этого спорта нет названия, – ответил он с ярко выраженным немецким акцентом.

По холодному темпу голосу Сара поняла, что этот человек явно недолюбливает ее, но она постаралась не замечать этого.

– Нет названия? – переспросила она. – Как это?

– Я, может, неправильно высказался, сеньора. Название, может, и было, но оно утерялось в анналах истории. Мы с Рудольфом между собой называем эту спортивную игру «Ледяная дорога».

– И какие же правила?

– Правила простые. Нужно спустить большую лыдину как можно быстрее по специальному горному маршруту. Побеждает тот, кто первый придет к финишу.

– Какая забавная игра, – улыбнулась Сара, – но боюсь, в Италии Вы не найдете подходящих условий, разве что в Альпах...

– Именно там мы и практикуемся, сеньора, – кивнул Курт. – И очень рассчитываем, что данная игра завоюет весь прогрессивный мир и ее введут в Зимние олимпийские игры.

Сара опять вздрогнула, так как трепавшие по-немецки гости громко засмеялись. По каким-то догадкам она поняла, что их заинтересовали три картины кисти Фредерико Андреотти, висящие на стене.

Этот современный, к сожалению, уже почивший, мастер кисти искусно рисовал миленьких женщин, передавая их кокетливое настроение, и Джузеппо, будучи его страстным поклонником, не скупился и при первой возможности скупал его работы у разорившихся во время экономического кризиса коллекционеров. Он даже планировал устроить в Риме выставку по случаю дня рождения дуче с широким оглашением в СМИ.

– Нет, все-таки итальянки – самые красивые женщины! – сладострастно отозвался один высокий офицер на ломанном итальянском.

Он встал из-за стола спиной ко всем и с закинутыми назад руками стал рассматривать портрет одной веселой сеньоры в традиционно итальянской одежде с кувшином молока.

– А мне больше по душе наши немки, я патриот, – тут же парировал ему Курт, открывающий уже вторую бутылку шампанского.

Раздался хлопок вышибленной пробки, и она через секунду ударилась об одно из полотен, чуть не прорвав его, вызвав тем самым новый приступ смеха у гостей. Сара не знала, сделал ли Курт это намерено или так получилось случайно, но несколько рук с бокалами уже потянулось к стрелку, и все одобрительно поздравляли его с метким попаданием, а он даже не извинился перед Джузеппо за порчу имущества.

Саре сразу не понравились эти мальчишеские усики, этот блеск глаз, вся эта напускная бравада молодого бога, и она, сидя напротив, едва сдерживалась, чтобы под столом не вдавить каблуком этому невежественному усачу между ног. Его брат близнец Рудольф был более тактичен.

– Не важно, какой крови тот, кого ты любишь. Важно то, что он твой и только твой, – сказал он на хорошем итальянском, обращаясь куда-то в пустоту, но у Сары вздрогнуло сердце.

Это были единственные слова этого офицера за весь вечер, но они запомнились хозяйке виллы, точно были обращены к ней и только к ней. Во время коротких бесед с другими гостями, к счастью или сожалению, немногие говорили по-итальянски, она украдкой вглядывалась в Рудольфа, и поражалась, как несмотря на схожую природу с братом и, возможно, даже на одно общее воспитание, он разительно отличается от него духовно. Чего стоил этот глубокий и осмысленный взгляд голубых, словно специально подобранных под цвет ее платья, глаз, а этот волевой, слегка скошенный подбородок, ну и, конечно, открытый умный лоб, свойственный всем талантливым полководцам. Как он был похож на ее сказочного Агапето! В тот миг, когда прозвучали эти справедливые, полные мудрости слова, она постаралась скрыть волнение, звонко чокнувшись со всеми и следом до умопомрачения осушив бокал шампанского до дна. И только потом она с ужасом для себя поняла, что все пили за здоровье фюрера, и она невольно была соучастницей этого всеобщего безумия.

Алкоголь придал ей немного развязности, и вся окружающая ее грязь притерлась и уже не казалась такой безобразной. Она вдруг захотела угостить Рудольфа чем-то особенно вкусным и преподнесла гостям блюдецко с разломленной на дольки плиткой шоколада.

– Угощайтесь, сеньоры офицеры, и Вы, сеньор падре, – сказала она, кокетливо улыбаясь. – Все взрослые шалости в Париже начинаются именно с хорошего шоколада.

И каково же было ее первое маленькое разочарование: когда все потянули руки за лакомством, Рудольф сделал вид, что увлечен рассматриванием спорной картины.

– О, Париж! – ухмыльнулся Курт, проглатывая с аппетитом дольку. – Эти глупые лягушатники в спешке заливают болота бетоном и слепо уповают на линию Мажино. Готов держать пари на целый ящик французского шоколада, что через год, максимум два под музыку и барабанный бой наши доблестные парни промаршируют по Елисейским Полям к Триумфальной арке, а в домах моды выстроятся бесконечные очереди из мадмуазелей и мадам за чулками.

Кто-то из офицеров даже высказал свое несогласие с хвастуном, но жену хозяина виллы удивило не это, а то, что сам спор зиждился не на невозможности такого явления, а всего лишь на незначительной разнице в сроках, зависящих больше от того, когда фюрер и Советы подпишут пакт о ненападении.

– Чемберлен вас всех переиграет, – ударила по рукам Сара, подзадоривая спорщиков, и Джузеппо сильно напрягся от этой развязности жены.

– Сара, прошу тебя уймись... – нашептывал он ей на ухо. – С сеньорами немцами шутки плохи.

Но его постоянная опека, контролирующая каждое ее движение и даже мысли, опротивела ей настолько, что она, выждав удачный момент, когда все ушли играть в бильярдную, демонстративно под села к оставленному в одиночестве Джорджино и громко смеялась, шутя о политике. Дело дошло до того, что старый сводник, охмелев, стал клевать носом в открытое декольте Сары и так вошел во вкус, что нашептывал туда сладкие дифирамбы.

– Италия нуждается в таких женщинах, как Вы, пожалуй, больше, чем в новых колониях. И скажу по большому секрету, как лучший друг Вашей семьи, – бубнил он, путаясь в мыслях, – что в Риме после бегства любовницы Муссолини вилла Торлония опустела, и Вам, моя дорогуша, нужно спешить, пока лучезарный дуче не вернул с севера свою опальную жену с отпрысками...

Сара продолжала хохотать, не смотря уже на явные протесты мужа, делающего ей тайные знаки замолчать, и шутливо шлепала слюнявого старика по лысине, позволяя при этом держать его дряблую и дрожащую руку у себя на колене.

– Разве Маргарита (Царфати) сбежала? – удивился Джузеппо, подслушавший разговор захмелевшего сводника.

– Т-сс, – прошептал Джорджино, приложив указательный палец к губам, – и захватила с собой тысячу двести семьдесят два любовных письма от самого дуче.

– Зачем же ей столько писем? – воскликнула Сара.

Старик посмотрел на нее мутными и уже плохо понимающими глазами.

– Т-сс. Пока письма у нее, это гарантия ее безопасности.

В этот момент все услышали настойчивый гудок клаксона у ворот и ругань Антонио на бывшего пастуха Абеле, который опять «проспал» его приезд. Все, кроме падре, под конец упавшего лицом в тарелку, бросились к окну, и увидели, как из въехавшего во двор автомобиля с трудом выползают тучно набитые, как сардины в бочке, с оголенными плечами красотки с перекинутыми через шею разноцветными шальями. Сразу послышался шелест пышных салонных юбок, в воздухе запахло французским шармом.

– Путаны! – захолопали радостно в ладоши офицеры, наделяя каждую из этих продажных женщин непереводаемыми эпитетами.

В ответ раскованные девочки, кокетливо улыбаясь, подтягивали свои чулочки и слали горячие воздушные поцелуи. Одна из них, с прической каре и восточными чертами лица, посадовала длинный мундштук, держа его элегантно в руке, облаченной в белую перчатку, и вела себя непринужденно. У нее был едва выступавший животик, и Сара заметила, как ее муж побледнел и спрятался за занавеску.

– Кто это? – спросила Сара у него. – Она не похожа на проститутку.

– Это албанка Замира, певица из кабаре, она приезжает к нам на лето, – ответил он, стараясь не придавать сказанному большое значение, но интуиция жены подсказывала ей, что он спал с этой женщиной.

Как странно, но Сара симпатизировала Замире. К тому же, все чувства, испытываемые когда-либо к мужу, давно остыли, и она считала ниже человеческого достоинства устраивать скандалы на ревностной почве.

– Красивая, – прошептала она.

– Ты так считаешь? – удивился Джузеппо, всматриваясь в новых гостей. – Да, она молода и красива. Я пригласил ее для Джаорджино. А где же наш друг? – и хозяин виллы словно опомнился и, обернувшись, увидел уткнувшегося в тарелку старика. – О, черт! Сеньор Курт, помогите мне, пожалуйста, сопроводить падре в гостиную. Сеньор Джаорджино, сейчас мы Вас положим на кушетку, Вас осмотрит доктор... Сара, пожалуйста, прими музыкантов... Я очень надеюсь, что пианино не расстроено. Тереза, принеси кувшин прохладной воды!

Пока шла суета вокруг падре, который почему-то сопротивлялся идти на покой, из автомобиля выбрались два стройных молодых человека в черных рубашках, похожих на те, что носят фашисты на факельных шествиях, но только с расстегнутым воротом и с широкими красными подтяжками. Кудрявые длинноволосые головы украшали артистичные шляпы, что делало их сходство с какими-то цыганами или румынами. К тому же, один из них был со скрипичным футляром, другой с бандонеоном.

– Музыканты, – догадалась Сара. – Наконец-то хоть что-то стоящее на сегодняшний день! Идите же к нам! Поднимайтесь!

Молодые ребята, казалось, не слышали восторженный призыв хозяйки виллы. Они продолжали озирались по сторонам, словно ожидая особого приглашения, пока Антонио не показал им направление, куда следовать.

– Ну что Вы стоите, точно бараны перед новыми воротами! – хмурился он. – Вас ждут.

Но они не спешили и терпеливо ждали, когда спустившиеся во двор наиболее прыткие офицеры не расхватают всех визжащих от смеха путан, некоторых из которых понесли на руках. Замира же шла сама, гордо отклонив предложенную ей руку. Она встретила глазами с Сарой и все поняла.

– Добро пожаловать! Добро пожаловать! – повторял мельтешащий перед ней мальчишка-собачник. – Сеньор Джузеппо поручил мне посадить Вас на лучшее место.

Когда двор опустел, тот, что с бандонеоном, вытащил на свет божий из автомобиля неказистого сгорбленного старичка в сильно поношенном смокинге, с заплатками на локтях, который, поправив белую розочку в петличке, стал стряхивать дорожную пыль, блески и пудру с примятых брюк. На его коленях, очевидно, из-за нехватки свободного места в салоне сидела одна из этих упругих виляющих попок. Сара узнала в нем маэстро Валенсио – талантливого пианиста, дающего концерты на частных милонгах и активного борца за отмену автомобильного движения в Риоманджоре. Он галантно кивнул ей.

Самым последним из вновь прибывших оказался степенный, невысокого роста мужчина с седой бородкой, в солидном английском котелке. Это был доктор Когенмен. В руках он держал большой кожаный саквояж и не выпускал его даже тогда, когда один из слуг Джузеппо предложил ему свою помощь. Поправив запотевшее пенсне, доктор осведомился у слуги, как здоровье гостей, и, услышав исчерпывающий ответ, что сеньоры только что заказали третий ящик шампанского, деловито отправился по ступенькам в холл. Вакханалия продолжилась.

4. Гостеприимство Джузеппо

То, что происходило потом на вилле инженера Джузеппо, принимавшего своих нацистских друзей, сохранилось в воспоминаниях очевидцев какими-то смутными очертаниями, разве что с редкими вспышками просветления, хорошо сдобренными байками прачки Кончитты. Мы приведем лишь некоторые правдоподобные эпизоды того вечера, которые приблизят нас невольно к развязке и, может быть, лучше объяснят мотивы наших главных героев. Но, прежде всего, стоит сказать, что для проницательной Сары это был пир во время чумы, и она являлась несомненно восходящей звездой этого безумного, во многом чудовищного своей беспощадностью вечера. Или даже, вернее сказать, подобно загнанному зверю в клетке, металась она из угла в угол под прицелом охотников, облаянная и обруганная сворой шакалов, ощущая всем своим существом, как бешено стучит ее сердце в сладко-болезненной, никогда прежде неведанной ей истоме, сердце, которое находилось сейчас на тонкой грани между страстью и смертью. Будь то занесенное случайным ветром перышко из крыла ангела или сброшенный ненароком щелчком указательного пальца пепел с сигареты дьявола, любое провидение могло склонить эти судьбоносные чаши весов в ту или иную сторону. Пожалуй, смерть для Сары была даже лучшим избавлением, тем спасительным усмирением проснувшейся в миг природы женщины, которая жаждет захлебнуться в пучине овладеваемых ею страстей и еще по инерции хватается за соломинку морали, и если и выпускает ее из рук, то только уже в обреченном падении в эту манящую бездну. Да, она вдруг поняла, что страстно желает Рудольфа, что без него вся ее жизнь не имеет смысла, что весь этот брак с Джузеппо давно опошлен его многочисленными изменами, и ей стало страшно за бесцельно потраченные прежде годы, в которых пропала ее юность и гнила молодость.

– О, Агапетто... – прошептали ее губы под звуки Кумпарсито, и Рудольф, прочитав этот страстный призыв по губам этой красивой женщины, смотрел на нее, уже не отводя взгляда, точно великий провидец, понимая каждое движение ее мысли и плоти и знающий заранее, чем все это может закончиться.

Пока муж с доктором Когенманом были заняты здоровьем хватившего лишнего падре, этот широкоплечий, рослый офицер Вермахта сделал шаг вперед и протянул ей свою сильную руку, и она взяла ее, уже не колеблясь. Две противоположности соединились, между ними пробежал электрический ток, и Сара даже не заметила, как подкосились ее колени, но Рудольф подхватил ее, точно пушинку, и увлек на центр танцпола. Взвизгнула скрипка, пробуждая даже самую черствую душу, и фашистские палачи превратились в галантных кавалеров, а увязшие в трясине разврата путаны – в чувственных, благородных сеньорит. По паркету брызнула и разлилась, точно теплое материнское молоко, родная мелодия танго.

Кто-то из зрителей захолопал шумно в ладоши, подбадривая танцоров, уже разделившихся и вставших друг напротив друга. Офицеры, которые танцевали, приняли вид мачо с какой-то наглой насмешливостью, даже Рудольф скрестил руки на груди и взялся за подбородок, ухмыляясь глазами. Сеньориты же, приняв навязанные им правила игры, двинулись в такт вызывающе, очень умело перебирая ногами и обходя оценивающих их движения партнеров. Так не могло долго продолжаться, и мужские руки грубо остановили их и отбросили перед собой.

– О, Агапетто... – успела прошептать Сара, ощутив широкую ладонь Рудольфа на своей оголенной спине, и, ведомая им, понеслась в ритме танго, едва сдерживая себя от переполняющих чувств.

Все замелькало перед глазами, быстро забываясь в счастливейшем миге от долгожданной встречи. Бандонеонист, беспечно присевший на край стола, заиграл, как в последний раз, помогая стуком каблука правого ботинка отбивать нужный такт, а сгорбленный старик-маэстро,

склонившись над черно-белыми клавишами, стал похож на мага-волшебника, творившего свои великие чары. И словно вспыхнувший факел в ночи по залу прозвучал восхитительный голос Замиры и никогда нетленные слова Карлоса Гарделя.

«Si supieras que aún dentro de mi alma
Conservo aquel cariño que tuve para ti
Quien sabe si supieras
Que nunca te he olvidado»

(О, если бы ты знала, что я в своей душе все еще храню нежность, которую испытывал к тебе... О, если бы ты знала, что я тебя никогда не забывал.)

Сара искусно крутила бедрами, великолепно кружилась, умело перебирая ногами так, что ее каблук практически не касались паркета. При этом платье от Мадлен Вионы при каждом повороте красивой бирюзовой волной поднималось, показывая жадно созерцающим зрителям стройность ног этой женщины.

Она хорошо чувствовала поддержку партнера, плавно изгибалась, обнимая его за плечи, оголяя свою чувственную шею для поцелуя. Он наклонялся к ней для этого поцелуя, но она тут же отстранялась, дразнила его пальчиком и вдруг сама бросалась в объятия, страстно обвиняя его мощный торс ногами, точно голодная змея. И вся непредсказуемость, пугающая, острая, как клинок убийцы, не теряла при этом всей своей нежности. В какие-то моменты Сара словно сдавалась, и, делая в головокружительном кручении красиво ногами, покорялась ласкам мужчины, но на этот раз уже Рудольф грубо отшвыривал ее, точно не желая больше видеть, а она снова настаивала, падала на него, приподнимая один каблук вверх, и так повторялось до бесконечности, пока под аплодисменты восторженных зрителей они, наконец, не обнялись и не соприкоснулись губами. Потом пошла веселая «Рио-Рита», и кажется тогда и прозвучал первый выстрел. Хотя немногие свидетели тех событий уверяли, что выстрел произошел чуть раньше: в самый момент поцелуя. Но так или иначе, гости, занятые шумным весельем, не очень-то и обратили на все это внимания, и всполошились только тогда, когда раздался второй. Стреляли где-то наверху, в гостиной, куда отвели несколько минут назад почивать падре. Музыка смолкла, лишь маэстро по инерции нажимал на отдельные клавиши и прикладывал ухо, точно проверяя рояль на настроенность. Все в тревоге переглядывались. Женщины прятались за спины офицеров. Ситуация стал проясняться, когда с лестницы кубарем скатился сначала котелок, а потом и сам сеньор доктор. Следом, практически одновременно, полетел его саквояж, и на самой низкой ступени догнал своего хозяина, больно ударив того по голове.

– В чем дело, Джузеппо? – закричала в тревоге Сара, когда наверху показался ее бледный муж, все еще пытающийся вырвать из рук осатаневшего Курта пистолет.

– Выведите этого сеньора во двор. Ему надо освежиться... – пыхтел в нелегкой борьбе хозяин виллы, вдавливая немца в стену и помогая себе резко коленом.

– Es ist ein guter Grund, dir ins Gesicht zu schießen, (О, это хороший довод выстрелить тебе в рожу!) – шипел от злости согнувшийся от боли немец. – Как можешь ты, потомственный ариец, защищать этого грязного еврея!

В зале раздалась возгласы на немецком замешкавшихся офицеров, пытающихся успокоить дерущихся, но никто не спешил броситься к Джузеппо на помощь. Между тем, хотя и силы схватившихся были практически равны, итальянский инженер, не обладающей армейской выносливостью, начинал заметно сдавать, и неизвестно чем все могло бы кончиться, если бы Курту удалось завладеть оружием. Перепуганный до смерти доктор Когенман так и сидел на полу, вздыхая и охая, теребя разбитое пенсне, точно расстроившись именно из-за треснувшего стекла.

– Сеньоры, господа офицеры, что же вы... – шептал он, вздыхая и охая, не находя у последних никакого сочувствия. – Да-с, типичная белая горячка. Очень запущенный случай.

В этот миг Рудольф уловил умоляющий взгляд Сары, сомкнувшей свои ладони перед грудью, и отважно бросился наверх к дерущимся. Ни беспокойство за судьбу его родного брата, ни элементарный инстинкт безопасности побудил его к такому решительному действию, когда он в два-три прыжка оказался на лестнице. Им двигало, и он признавался себе потом в этом, только одно желание – угодить этой женщине. Он готов был разорвать всё и вся ради нее, и это его одновременно и удивляло, и настораживало. Когда третий оглушительный выстрел застал его где-то на середине лестницы и заставил инстинктивно пригнуться, он думал только о Саре, опасаясь шальной пули, направленной в зал. Именно тогда Сара вскрикнула и упала на паркет, и Рудольф на мгновение стал самым несчастным человеком на свете, испытав неопишное горькое опустошение и боль. И только когда кто-то из залы прокричал «Воды! Это обморок!», он облегченно вздохнул и ринулся в самый разгар битвы и помог Джузеппо выкрутить из рук брата оружие.

Когда Сара очнулась у себя в комнате, то увидела, как доктор Когенман держит ее руку и пытается нащупать пульс. Со своим треснутым пенсне и примятым от недавнего падения с лестницы видом он выглядел комично. Окна были открыты настежь, и со двора слышалась бранная, на повышенных тонах речь офицеров и ответное ворчание мужа, который ни черта не смыслил в немецком и всеми возможными способами пытался втолковать, чтобы они как можно скорее проваливались отсюда. Но гости упрямылись. Потом его терпение, очевидно, закончилось, и он завопил, гневно топая ногами.

– Tutti quanti. Forza, via di qua! (Все убирайтесь прочь, пошли вон!)

Этот истерический сорвавшийся тон, возможно, мог оскорбить любого, для кого он предназначался, и была большая вероятность никому ненужной толкучки, но подбегавшие на помощь многочисленные слуги морально поддержали своего хозяина и буквально заслонили его своими телами. Особенно в этом патриотичном порыве проявила себя толстушка Тереза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.